

Портсмутский мир: чья победа?

Сергей Александрович Гладких,

кандидат исторических наук, доцент Котласского филиала Государственного университета морского и речного флота им. адм. С.О. Макарова, Котлас.
E-mail: sgladkih@inbox.ru

В статье проанализированы ход и итоги Портсмутской мирной конференции с акцентом на субъективные причины ошибок, допущенных в переговорном процессе русской стороной. Материал публикуется в порядке дискуссии об итогах Русско-японской войны.

Ключевые слова: Русско-японская война, Портсмутская мирная конференция.

Portsmouthian Peace: who won?

Sergey Gladkih, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping (Kotlas Branch), Kotlas.

The given article considers the course and results of Portsmouthian Peaceful Conference emphasizing on the internal reasons of mistakes made by the Russian party in the course of negotiation process. The material is published in accordance with the discussion of the results of Russo-Japanese War.

Key words: the Russo-Japanese War, the Portsmouthian Peaceful Conference.

В четвёртом номере ведущего российского исторического журнала «Вопросы истории» за 2007 г. была опубликована передовая статья А.Н. Сахарова «Размышления о Русско-японской войне 1904—1905 гг.». Этот материал представляет собой незначительно переработанный вариант статьи, ранее опубликованной в другом авторитетном журнале «Родина». В статьях утверждается, что многочисленные поражения русских армии и флота не имели большого значения для исхода войны, что Япония, в отличие от России, была истощена и не могла продолжать боевые действия, что война «была прекращена по существу в самый её разгар, когда все преимущества России лишь начали проявляться», а завершивший конфликт «...Портсмутский мир вырос на почве острой заинтересованности непобедившей Японии и нарастающей заинтересованности не проигравшей войну России» [19, с. 59; 20, с. 14].

Независимо от А.Н. Сахарова к сходным выводам пришёл полковник запаса, доктор географических наук и профессор В.В. Глушков: «...де-юре Россия в этой неудачной для неё войне хотя и не одержала победу, но и не проиграла», поскольку подписала не капитуляцию, а мирный договор, причём «без уплаты военной контрибуции, обязательной для страны,

потерпевшей поражение» [3, с. 8]. И в самой крайней форме нарождающееся новое мнение выражено историком-любителем Б.Г. Галениным: «Русско-японская война — это последняя победа Российской империи, последняя победа Святой Руси» [2, с. 14]. Таким образом, целым рядом исследователей в последнее время предложена достаточно развитая концепция, пересматривающая традиционные позиции мировой и отечественной историографии, согласно которым Русско-японская война признаётся поражением России.

Не касаясь отдельно анализа военных действий, данную проблему можно рассмотреть сквозь призму изучения результатов войны, зафиксированных Портсмутским мирным договором. По сути, русско-японские переговоры в Портсмуте являлись последним актом войны, сражением на поле дипломатии. Позиции сторон — как открыто представленные на переговорах, так и сохранявшиеся тогда в тайне, но ныне известные — ясно обозначали их взгляды на ход и финал конфликта. Усилия, предпринимаемые дипломатами, являлись прямым следствием предшествовавших военных успехов и неудач. Однако мало ознакомиться только с текстом договора — надо проанализировать и сам переговорный процесс.

Современное состояние источниковой базы позволяет провести данное исследование, почти не обращаясь к материалам архивов. Все основные документы по русско-японским переговорам 1905 г. опубликованы, причём многие — неоднократно. Ход конференции также подробно описан в научной литературе, поэтому можно акцентировать внимание только на основных дискуссионных вопросах и ряде моментов, которые по тем или иным причинам выпали из сферы внимания предшествующих исследователей.

Русско-японские мирные переговоры были негласно инициированы японской стороной после разгрома русского флота в Цусимском сражении, окончательно решившего главный стратегический вопрос войны — вопрос господства на море. Как предполагалось японскими политиками ещё до начала войны, в качестве посредника был привлечён благожелательно настроенный по отношению к Японии президент США Т. Рузвельт, который обратился к воюющим сторонам с предложением начать мирные переговоры «в интересах всего цивилизованного мира» [15, с. 142, 164—166]. Симптоматично, что официальное согласие Японии на это предложение последовало на два дня раньше, нежели согласие России. Однако российский император Николай II отнюдь не признавал себя побеждённым, что обещало большие проблемы на переговорах. Поэтому многое зависело от персонального состава делегаций, и особенно — от личностей главных уполномоченных.

Общественное мнение Японии требовало назначить руководителем мирной делегации наиболее выдающегося и опытного государственного деятеля — Х. Ито. Однако, осознавая трудность задачи, рискуя подорвать свой авторитет и тем самым отчасти подставить под удар императора Мэйдзи, с которым Х. Ито находился в близких дружеских отношениях,

а также опасаясь надолго покидать Японию в сложное военное время, он отказался от этой миссии [15, с. 167—169, 200]. К тому же после заключения англо-японского союза 1902 г. Х. Ито, накануне прошедший в Санкт-Петербурге безрезультатные переговоры о русско-японском соглашении, многими воспринятые как «отвлекающий манёвр», не без оснований говорил: «очень может быть, что русские политики теперь смотрят на меня с подозрением» [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 242. Л. 143 об]. Другие крупные японские чиновники тоже не хотели занимать столь опасный дипломатический пост, и в результате выбор главного переговорщика был во многом осуществлён по формальному принципу — по занимаемой должности министра иностранных дел им стал амбициозный Д. Комура, в своё время многое сделавший для развязывания войны. Личность главы делегации говорила о жёсткой позиции Японии на конференции.

В России выбор руководителя делегации тоже оказался непростым. Эта хлопотная должность была последовательно предложена опытным дипломатам А.И. Нелидову, А.П. Извольскому и Н.В. Муравьёву, однако, отчётливо понимая неблагоприятный характер миссии, они предпочли под благовидными предложениями отказаться от «высокой чести». Министр иностранных дел России В.Н. Ламздорф, будучи прекрасным административным работником, никогда не занимал должности посла или даже посланника и не имел достаточного опыта персонального ведения переговоров. В результате, несмотря на личную неприязнь, Николай II по совету В.Н. Ламздорфа решил назначить главным уполномоченным «опального» С.Ю. Витте, который, находясь на безвластной в то время должности председателя Комитета министров и стремясь вернуться в «большую политику», согласился принять этот пост. По словам С.Ю. Витте, его старый знакомый Х. Ито, узнав об этом, в личной телеграмме выразил сожаление, что не смог выехать на переговоры [1, с. 461]. Поэтому не исключено, что если бы решение о назначении С.Ю. Витте было принято раньше, то переговоры с японской стороны мог возглавить именно Х. Ито, на что прозорливо указывал В.Н. Ламздорф. Но Николай II отказался заранее уведомить Т. Рузвельта и, следовательно, через него японскую сторону о том, что кандидатура С.Ю. Витте рассматривается в качестве главы русской делегации [3, с. 297]. Тем самым император отчасти содействовал созданию неблагоприятного для России психологического климата на переговорах.

Выбор С.Ю. Витте в качестве главы русской делегации вызвал «живейшую радость» Т. Рузвельта [3, с. 309] и благожелательную реакцию японской стороны. Интересно, что предпринятая ещё в июле 1904 г. первая попытка зондажа будущих мирных переговоров со стороны Японии была ориентирована именно на диалог с С.Ю. Витте [17, с. 320]. Он справедливо признавался японцами представителем «партии мира» в российском политическом руководстве, и вследствие этого они надеялись на его уступчивость. Но руководителем делегации с японской стороны являлся один из политических «ястребов» — Д. Комура. Соответствовал своим

лидерам и состав делегаций: русская состояла в основном из сторонников мира, японская — большей частью из провоенно настроенных дипломатов [1, с. 464—465; 15, с. 207]. Таким образом, «соотношение сил» на мирной конференции изначально складывалось в пользу Японии.

О том, что диалог на конференции предстоит непростой, свидетельствовал и спор о выборе места проведения переговоров. Предложенный Россией Париж, а позже Т. Рузвельтом — Гаага, как и в целом Европа, были категорически отвергнуты японской стороной. Русская сторона, в свою очередь, не согласилась с проведением переговоров в Азии, хотя Т. Рузвельт через американского посла в Санкт-Петербурге Д. Мейера предлагал Николаю II организовать встречу уполномоченных «между Харбином и Мукденом», да и С.Ю. Витте считал, «что было бы всего удобнее съехаться где-либо недалеко от театра военных действий». В результате компромиссным вариантом признали территорию США, где местом переговоров был выбран подходящий по комфортным климатическим условиям небольшой город Портсмут в штате Нью-Гэмпшир [1, с. 457; 3, с. 292, 294—295, 303].

Весьма интересно сопоставить заранее предъявленные с целью упрочения позиций на переговорах требования русских и японских дипломатов к военным. Если Д. Комура предлагал нанести новый удар по русской армии в Маньчжурии, уничтожить русские войска в Северной Корее и оккупировать Сахалин, то В.Н. Ламздорф в письме военному министру В.В. Сахарову просил армию воздержаться от активных военных действий, т.к. «в случае даже некоторого успеха нашего оружия — обстоятельство это едва ли может оказать решительное в нашу пользу влияние на ход переговоров... между тем как всякая, даже малейшая, неудача России на сухопутном театре военных действий, напротив, даст основание японцам к предъявлению ещё более тяжёлых условий мира» [3, с. 295; 15, с. 212]. Таким образом, насколько японские дипломаты были уверены в своих вооружённых силах, настолько же русские генералы потеряли в ходе войны всякий авторитет. Письмо Ламздорфа фактически освобождало армию от ответственности за бездействие и ставило благоприятный для России исход переговоров в зависимость только от дипломатического искусства официальной делегации.

Тем не менее русская действующая армия, руководство которой, по крайней мере формально, выступало против мирных переговоров, готовилась перехватить стратегическую инициативу, и 16 августа 1905 г. (даты до 1 февраля 1918 г. даны по старому стилю) Главнокомандующий Н.П. Линевич утвердил план наступления в Маньчжурии [3, с. 351]. По иронии судьбы это произошло в тот самый день, когда в Портсмуте С.Ю. Витте и Д. Комура пришли к соглашению по основным спорным вопросам, фактически заключив мир. Однако С.Ю. Витте впоследствии жаловался, что «до самого заключения договора не получил от Линевича ни слова», а тем более поддержки силой на театре военных действий [1, с. 462, 487]. Со своей стороны, армия в лице генерала А.Н. Куропаткина возмущалась, что «при ведении переговоров в Портсмуте Линевича игнорировали», и поэтому при определении демаркационной линии в Маньчжурии

«Витте одним росчерком пера... отдал японцам три чрезвычайно сильных, укрепленных нашими войсками оборонительные линии: Сыпингайскую, Гунчжулинскую и Куанчензинскую» [11, с. 389; 14, с. 94].

Но ведь в распоряжении С.Ю. Витте находились опытные военные советники, через них можно было держать постоянный контакт с армейским и флотским руководством. То, что этого не произошло, показывает, что во взаимодействии не были заинтересованы ни статс-секретарь С.Ю. Витте, ни генерал Н.П. Линевиц, взгляды которых диаметрально расходились. Николай II — единственный, кто мог в приказном порядке наладить это взаимодействие — также ничего не предпринял. Таким образом, традиционная для России того времени межведомственная рознь вновь негативно повлияла на ход и окончание переговоров; а распространённое мнение о том, что в Портсмуте «русские дипломаты не уступили ничего сверх того, что было уже отдано генералами» [10, с. 166], следует признать безусловно неверным.

17 июня 1905 г. в Японии была утверждена кабинетом министров, а 22 июня санкционирована императором официальная инструкция мирной делегации. В этом документе выдвигаемые японской стороной требования были разделены на «абсолютно необходимые» (свобода действий Японии в Корее, вывод русских и японских войск из Маньчжурии, передача японцам арендных прав на Квантунский полуостров и железнодорожной ветки Харбин — Порт-Артур), «относительно важные» (контрибуция до 100 млн иен, передача интернированных в нейтральных портах русских кораблей, уступка Сахалина и близлежащих островов, предоставление права рыбной ловли вдоль русского дальневосточного побережья) и «дополнительные» (ограничение военно-морских сил России на Тихом океане, демилитаризация Владивостока) [15, с. 172—173].

Русские условия мира были сформулированы не сразу и содержались в нескольких документах, предназначенных для разных уполномоченных. Впервые основные требования были кратко изложены в телеграмме А.И. Нелидову от 8 марта, подробно — в инструкции Н.В. Муравьёву от 28 июня и в дополнительных инструкциях С.Ю. Витте от 29 июня, 3 и 18 июля 1905 г. [7, с. 203; 18, с. 70—75] Суть инструкций сводилась к так называемым «четырёх нет»: недопущение уступки русской территории, передачи КВЖД, выплаты контрибуции и уничтожения русского флота на Тихом океане. Таким образом, как было недавно отмечено И.В. Лукояновым, накануне мирной конференции «минимум японских требований и максимум уступок России в общем не противоречили друг другу» [13, с. 21], что предвещало успешное завершение переговоров, но этот политический расклад оставался в то время неизвестен ни русской, ни японской стороне.

Однако в русских предложениях мира не вполне ясной оставалась участь о-ва Сахалин. Ещё по пути в США С.Ю. Витте встретился в Берлине со своим другом, крупным международным банкиром Э. Мендельсоном, и конфиденциально сообщил ему о пределах русских уступок,

к числу которых отнёс «половину Сахалина», что выходило за рамки первого «нет» русской программы мира. Это позволило Б.А. Романову выдвинуть предположение, что при личной встрече с Николаем II перед отъездом в Портсмут С.Ю. Витте получил устное согласие царя на такую уступку [18, с. 73—74]. Отчасти это подтверждается черновым вариантом императорского рескрипта на имя С.Ю. Витте, составленного после переговоров: «Я снабдил Вас указаниями... что я... не допущу отнятия... ни одной пяди исконно русской земли... уступив лишь южную часть острова Сахалин». В окончательную редакцию рескрипта, однако, эти слова не вошли [3, с. 342, 377], а при обмене телеграммами между С.Ю. Витте и Санкт-Петербургом во время конференции царь твёрдо стоял на иной позиции: «ни пяди земли, ни копейки контрибуции». Видимо, вопрос этот императором и главой делегации предварительно обсуждался, но решение его было поставлено в зависимость от хода переговоров.

Кроме того, в инструкции русскому уполномоченному от 29 июня говорилось: «почитаю долгом обратить особое внимание Ваше на желательность... добиться установления с Японией... прочных и дружеских отношений» [3, с. 308]. Согласно мнению Б.А. Романова, эта идея включена в текст инструкции по предложению самого С.Ю. Витте [18, с. 74]. Но, независимо от авторства, выдвинутая в условиях продолжающейся войны установка на будущие дружеские отношения с Японией была явно преждевременной и лишь заранее ориентировала главу русской делегации идти на неоправданные уступки.

Разумеется, при подготовке к дипломатической дуэли в Портсмуте С.Ю. Витте был обязан ознакомиться с ходом предвоенных русско-японских переговоров 1903 — начала 1904 г. Соответствующие документы были опубликованы в сборнике, получившем по цвету обложки неофициальное наименование «Малиновая книга». По свидетельству И.Я. Коростовца, С.Ю. Витте не только был знаком с этой книгой, но и обсуждал её с членами русской делегации на борту океанского лайнера во время пути в Портсмут [21, с. 8]. И вряд ли первый уполномоченный не обратил внимание на интересную выдержку: «...обнаружилось, что притязания Японии шли дальше, но мы объясняли это хитростью, дабы выторговать от нас по возможности большие уступки» [6, с. 2]. Таким образом, окончательные требования Японии в 1903 г. были приняты русской стороной за предварительные, выдвинутые для «торга». Подобная ситуация вполне могла сложиться и в Портсмуте, что обязательно должен был учесть С.Ю. Витте.

Следовательно, первый русский уполномоченный к началу переговоров исходил из двух ложных предпосылок: возможности быстрого оформления русско-японского политического союза и близости предварительных (максимальных) японских условий мира к окончательным. Но если по первому пункту С.Ю. Витте был достаточно быстро «одёрнут» Д. Комурой, заявившим, что Япония не нуждается в поддержке России [21, с. 60]; то по второму ясности у него не было вплоть до окончания переговоров, что, возможно, сказалось на их итогах.

На ход конференции могло оказать влияние и состояние здоровья главы русской делегации: страдавший желудочным расстройством и некоей болезнью «в области дыхательных органов» С.Ю. Витте сообщал в мемуарах, что в Портсмуте был «совсем болен» и «всё время поддерживал себя строжайшей диетой и усиленными смазываниями кокаином. Это совершенно расстроило мои нервы» [1, с. 483, 488, 499]. Таким образом, сложнейшие международные переговоры вёл нездоровый человек, постоянно находившийся под наркотическим воздействием. Вряд ли подобная ситуация позволяла ему серьёзно и продолжительно концентрироваться на обсуждении той или иной дипломатической проблемы. К тому же С.Ю. Витте, в отличие от японской стороны, вёл переговорный процесс, пренебрегая составлением предварительных письменных проектов, фиксируя договорённости в устной форме и не всегда отслеживая правильность их последующего отражения в протоколах [16, с. 234—235].

Многими очевидцами и исследователями было отмечено своеобразие ведения переговоров со стороны С.Ю. Витте, не совпадавшее со многими дипломатическими канонами. Однако он не был профессиональным дипломатом, и поэтому вёл переговоры в соответствующем его мировоззрению и профессиональному опыту ключе, то есть как глобально мыслящий политик и финансист. Знавшие С.Ю. Витте люди отмечали, что «в работе его в первую очередь интересовали основная мысль и общее направление» [8, с. 319], поэтому он пренебрегал деталями и был готов к самому широкому компромиссу по второстепенным вопросам. А в Портсмуте «основной мыслью» С.Ю. Витте было скорейшее заключение мира. Он уже считал Русско-японскую войну событием прошлого и мыслил исключительно перспективами, рассматривая мир с Японией как необходимое средство получения Россией широкого международного займа для приведения экономики страны в порядок и создания тем самым стабильной базы для проведения политических реформ, которые намеревался осуществить лично. Ещё в ходе портсмутских переговоров министр финансов В.Н. Коковцов прямо сообщал ему: «...с учреждением Думы вам предстоит общее руководство и объединение деятельности отдельных министерств» [22, с. 427], т.е. прочил пост премьер-министра.

Во многом на дипломатическую «методику» С.Ю. Витте накладывал отпечаток и опыт успешно завершённых им в 1904 г. переговоров по заключению торговой конвенции с Германией, где основные вопросы решались только руководителями делегаций, «отделка» деталей была оставлена советникам, а перспективной целью ставилось заключение финансового займа [8, с. 325—326]. Как финансист, С.Ю. Витте умело использовал в Портсмуте соответствующую аргументацию и даже опосредованно воздействовал на японскую делегацию через крупнейших представителей американско-еврейского финансового капитала [18, с. 86, 121].

При этом личная позиция С.Ю. Витте значительно выходила за рамки «четырёх нет». Пределы уступок, на которые он был согласен, хотя и варьировались в зависимости от ситуации, выглядели следующим образом:

передача Японии Сахалина, выплата «иначе причёсанной» контрибуции в размере до 500 млн рублей, объявление Владивостока открытым портом, ограничение русских военно-морских сил на Тихом океане [3, с. 323, 325; 7, с. 203; 17, с. 478]. Однако в своих действиях С.Ю. Витте был во многом скован требованиями официальных инструкций и позицией русского императора. А оппонент по переговорам Д. Комура не заглядывал далеко в будущее и прагматично следовал «требованиям момента», что затрудняло диалог главных уполномоченных, но более соответствовало сложившейся ситуации.

Начало переговоров для России было тяжёлым. Д. Комура сразу представил изложенную им в 12-ти пунктах «программу-максимум», дополнив её требованием эксплуатации КВЖД только в мирных целях и отказавшись по настоянию Т. Рузвельта только от не обеспеченного победами японского оружия требования разоружения Владивостока [12, с. 28]. Уже через день русская делегация дала составленный без санкции Санкт-Петербурга ответ, в целом согласующийся с принципом «четырёх нет», но оставляющий почву для переговоров и по этим вопросам, кроме безоговорочно отвергнутого пункта о выдаче интернированных русских кораблей. Затем стороны по предложению Д. Комуры перешли к последовательному постатейному обсуждению проекта договора. Согласовав редакцию итоговых статей по восьми пунктам и зафиксировав разногласия по четырём, японцы согласились снять требования о выдаче разоружённых кораблей и ограничении русских военно-морских сил. В результате исход переговоров упёрся в «относительно важные» для Японии вопросы уплаты контрибуции и передачи Сахалина.

При этом максимум уступок, на которые персонально шёл Д. Комура, был ограничен разделом Сахалина по 50-й параллели и возвращением России Северного Сахалина за сумму в 1 200 000 000 иен, то есть уплату «замаскированной» контрибуции. В своих телеграммах из Портсмута С.Ю. Витте пытался склонить Николая II к более широким уступкам, но царь держался прежних позиций. Узнавший об этом Т. Рузвельт был обеспокоен перспективой срыва переговоров и попытался повлиять на японцев, ограничив их притязания в отношении контрибуции. Одновременно использовал в качестве «медиатора» Д. Мейера, который старался убедить царя принять японские условия. В Японии состоялось заседание высшего государственного руководства с целью «одёрнуть» настроенного на разрыв и шедшего на превышение своих полномочий Д. Комуру. В итоге Д. Комура получил указание согласиться с русскими условиями, а в беседе с Д. Мейером царь дал согласие на передачу Японии Южного Сахалина [3, с. 329; 15, с. 213—214]. Последняя уступка русского императора стала известна Д. Комуре до реализации им предписаний из Японии, и поэтому вошла в мирный договор.

В объяснении решения об этой уступке, помимо доложенного царю мнения военного руководства России о «ничтожности» значения Сахалина [3, с. 371], следует учитывать и особенности характера последнего са-

модержца. Николай II всегда тяготился государственными обязанностями, не любил официальных церемоний и деловых бесед. И напористый Д. Мейер, старательно добивавшийся личных встреч с царём, не только чувствовал, но и активно использовал эту «слабинку». Не исключено, что неожиданное согласие на передачу Южного Сахалина император дал ещё и затем, чтобы скорее отделаться от неприятного для него общения с назойливым Д. Мейером. Николай II, похоже, втайне надеялся, что требовательные японцы не примут эту половинчатую уступку. В этом его убеждали и телеграммы С. Ю. Витте, и слова американского посла. Поэтому, узнав о согласии японцев с новыми русскими условиями, император «весь день ходил как в дурмане» и даже через неделю фиксировал в дневнике мысли о заключённом мире: «Должен сознаться, что радостного настроения не чувствовалось!» [5, с. 275—276]. Николай II, безусловно, осознавал свою личную ответственность и вину за потерю Южного Сахалина и ощущал, что его обманули [18, с. 125].

Россия также возместила Японии сумму за содержание военнопленных в размере 46 млн руб., тогда как реальная цифра японских расходов на русских военнопленных, по различным экспертным оценкам, составляла от 12 до 25 млн руб. [12, с. 93—94; 13, с. 32] С учётом первоначального предположения японцев о контрибуции в 100 млн иен (курсы иены и рубля в 1905 г. почти совпадали) даже при явной переплате это нельзя было рассматривать как скрытую контрибуцию. Но в качестве истинной «теневой» контрибуции следовало расценивать не оплату содержания военнопленных, а полученное Японией право на рыбный промысел вдоль русских берегов. Именно такую завуалированную форму оплаты японских военных расходов ещё до переговоров предлагал наместник Е. И. Алексеев [17, с. 505—506], письменные соображения которого входили в комплект документов, переданных В. Н. Ламздорфом С. Ю. Витте. Поэтому мнение И. Я. Коростовца, что С. Ю. Витте по незнанию считал этот вопрос второстепенным [21, с. 46], не вполне правомерно. Очевидно, он сознательно пошёл на эту уступку, предполагая снять остроту вопроса о контрибуции. В итоге Россия всё-таки заплатила Японии: одновременно — компенсацией за содержание военнопленных и «в рассрочку» — правом эксплуатации собственных рыбных промыслов. Однако фактической контрибуцией это не являлось, и престиж России был сохранён.

С. Ю. Витте, несмотря на серьёзные дипломатические промахи, удалось добиться от японцев некоторого количества частных уступок. Безусловным успехом С. Ю. Витте на переговорах была передача японцам не всей Южно-Маньчжурской железной дороги, а только участка Порт-Артур — Куанченцы, что даже при потере обеспечивавшихся этой коммуникацией оборонительных позиций русской армии несколько ограничивало одно из «абсолютно необходимых» японских требований о передаче всей дороги до Харбина: фактически Япония получила лишь 3/4 этой трассы. Немаловажно и то, что удалось отстоять интересы военно-морского флота, что ранее в подобных случаях было нехарактерным

для российской дипломатии. В текст Портсмутского соглашения были включены и другие относительно незначительные, но выгодные для России оговорки [12, с. 81].

А была ли Россия в состоянии продолжать войну? По мнению А.Н. Сахарова, в 1905 г. «страна могла мобилизовать все свои огромные материальные и военные ресурсы» [19, с. 58; 20, с. 12]. Но массовая отправка на Дальний Восток оружия, боеприпасов, интендантского имущества привела к тому, что запасы военных округов России были разорены, и страна к концу войны оказалась безоружной фактически по всему периметру границ [4, с. 110, 130, 160]. Достаточно привести высказывания руководителей российских вооружённых сил, чтобы понять всю серьёзность и даже катастрофичность положения, сохранявшегося на протяжении нескольких лет. Военный министр В.В. Сахаров, 1905 г.: «...наша боевая готовность на западных фронтах настолько пострадала, что вернее будет сказать, что эта готовность совершенно отсутствует»; генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович, 1906 г.: «...все крепости наши непригодны, и государство открыто для вторжения противника» [23, с. 17, 32, 186]. А ведь в 1905 г. разгоралась революция, вспыхивали первые восстания в армии и на флоте. Уже через полтора месяца после заключения Портсмутского мира началась всероссийская политическая стачка, и экономика страны просто прекратила функционировать. Очевидно, что стране в этот период было не до войны.

Безусловно, и Япония была истощена в военном и экономическом отношении, но находившийся на небывалом патриотическом подъёме японский народ был готов ещё долго нести тяготы войны — если не наступательной, то оборонительной. Тем не менее состояние противников на момент окончания военных действий было во многом схожим, поэтому небезосновательной выглядит оценка Портсмутского мира, данная известным японским дипломатом К. Исии, что если бы не заключённый вовремя мирный договор, «Япония и Россия погибли бы вместе» [9, с. 59]. Но это — сфера предположений, а не фактов.

Муссирующееся в последнее время предположение, что Портсмутский мир отнял плоды будущей неизбежной победы России, не имеет под собой достаточных оснований. Более того, анализ хода и результатов портсмутских переговоров только подтверждает поражение России в 1905 г. на всех фронтах, в том числе дипломатическом. Подготовка России к мирной конференции уступала японской по всем параметрам: «метания» с выбором главного уполномоченного, несколько полученных им инструкций, отсутствие обеспечивающих исходные позиции соглашений с союзными и нейтральными государствами, отсутствие взаимодействия с вооружёнными силами. Позднее было допущено параллельное ведение переговоров в Портсмуте и Санкт-Петербурге. Николай II вместо искусной дипломатии предпочёл упрямо видеть только один вариант решения проблемы, но, как обычно, и на этом не смог настоять. Интересно, что, постоянно и твёрдо возражая главе русской делегации С. Ю. Витте, им-

ператор шёл на уступки американскому послу Д. Мейеру. Этот парадокс одновременно свидетельствует и о недоверии Николая II к своему представителю на переговорах, и о переоценке влияния Т. Рузвельта на японскую делегацию, а также служит лишним доказательством определяющего влияния личного общения на слабохарактерного царя.

С.Ю. Витте правдиво писал впоследствии, что он заключил мир на условиях, «которые превосходили по благоприятности мои надежды», что «честь» отказа от Южного Сахалина принадлежит лично Николаю II, но явно лукавил, заявляя: «может быть, я бы не решился на некоторые уступки, на которые решился его величество» [1, с. 486, 488, 497]. Не только неудачи, но и успехи русской делегации в Портсмуте — это в том числе заслуга личной дипломатии российского царя. Немаловажно отметить и то, что активно в переговорах была задействована американская сторона, далеко вышедшая за рамки обычного посредничества. Таким образом, Портсмутский мир стал результатом сложного компромисса, достигнутого не двумя, а тремя государствами: Россией в лице Николая II и С.Ю. Витте, Японией в лице Д. Комура и правящей японской верхушки, а также США в лице Т. Рузвельта и Д. Мейера.

Зная разработанную в Японии программу, Портсмутский мир нельзя трактовать как успех русской дипломатии. Японской стороне удалось реализовать все свои «абсолютно необходимые» и половину «относительно важных» требований. Поставленная переговорщикам цель была выполнена и даже перевыполнена. Россия же уступила в первом из своих «четырёх нет», по смыслу соответствующих «абсолютно необходимым» условиям японцев, т.е. своей цели реализовать не смогла. При этом внешне, при сопоставлении предварительных русских и японских условий, оглашённых в Портсмуте, с итоговым текстом мирного договора, создаётся впечатление существенного успеха русской стороны. Но даже эту, сравнительную неудачу Японии можно расценивать лишь как личное поражение Д. Комуры, чьи притязания шли существенно дальше требований центрального руководства, хотя во многом именно из-за его упорства удалось добиться смягчения позиции России. По сути, «главными игроками» переговорного процесса оказались именно неуступчивые Д. Комура и Николай II.

Итоги портсмутских переговоров для русской стороны оказались во многом сходными с итогами сражений в Маньчжурии: поражение, но не разгром, что позволило «сохранить лицо» и даже трактовать заключённый мирный договор как очередное «искусное отступление» или даже победу. При этом правительство прикрывалось близостью условий договора к русской программе мира. Эта нехитрая мысль активно пропагандировалась тогда и отстаивается многими сейчас. Однако давно пора сбросить идеологические шоры независимо от их монархического, патриотического, демократического или иного происхождения и прямо признать: Портсмутский мир стал последним поражением России в проигранной ею Русско-японской войне.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849—1911 гг. М.: Мысль, 1991. 720 с.
2. Галенин Б.Г. Цусима — знамение конца русской истории. Т. 1. М.: Крафт+, 2009. 784 с.
3. Глушков В.В., Черевко К.Е. Русско-японская война 1904—1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России: факты и комментарии. М.: ИДЭЛ, 2006. 576 с.
4. Деревянко И.В. «Белые пятна» Русско-японской войны. М.: Эксмо, Язуа, 2005. 416 с.
5. Дневники императора Николая II. М.: Орбита, 1991. 736 с.
6. Документы по переговорам с Японией 1903—1904 гг., хранящиеся в канцелярии Особого комитета Дальнего Востока. СПб.: Синодальная типография, 1905. 52 с.
7. Игнатъев А.В. С.Ю. Витте — дипломат. М.: Международные отношения, 1989. 336 с.
8. Игнатъев А.В., Субботин Ю.Ф. Под гром пушек. С.Ю. Витте и договоры 1904 и 1905 годов с Германией и Японией // Российская дипломатия в портретах. М.: Международные отношения, 1992. С. 319—336.
9. Исии К. Дипломатические комментарии. М.: Госполитиздат, 1942. 264 с.
10. Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 1998. 464 с.
11. Куропаткин А.Н. Дневник генерала А.Н. Куропаткина. М.: ГПИБ, 2010. 456 с.
12. Кутаков Л.Н. Портсмутский мирный договор (Из истории отношений Японии с Россией и СССР 1905—1945 гг.). М.: Соцэкгиз, 1961. 292 с.
13. Лукоянов И.В. Портсмутский мир // Вопросы истории. 2007. № 2. С. 16—33.
14. Накануне первой российской революции (Из переписки русских военных деятелей А.Н. Куропаткина и А.Ф. Редигера 1905 г.) // Военно-исторический журнал. 1991. № 6. С. 93—94.
15. Окамото С. Японская олигархия в Русско-японской войне. М.: Центрполиграф, 2003. 320 с.
16. Пустогаров В.В. Фёдор Фёдорович Мартенс — юрист, дипломат. М.: Международные отношения, 1999. 304 с.
17. Романов Б.А. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны. 1895—1907. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 696 с.
18. Романов Б.А. Портсмутская мирная конференция // Исторические записки. Вып. 46. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 63—126.
19. Сахаров А.Н. Размышления в храме Того: Проиграла ли Россия Русско-японскую войну 1904—1905 гг. // Родина. 2006. № 5. С. 54—59.
20. Сахаров А.Н. Размышления о Русско-японской войне 1904—1905 гг. // Вопросы истории. 2007. № 4. С. 3—15.
21. Страница из истории русской дипломатии. Русско-японские переговоры в Портсмуте в 1905 г. Дневник И.Я. Коростовец, секретаря графа Витте. Пекин: Типо-литография Российской духовной миссии, 1923. 160 с.
22. Шацилло В.К., Шацилло Л.А. Русско-японская война 1904—1905: Факты. Документы. М.: Молодая гвардия, 2004. 480 с.
23. Шацилло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне: Генералы и политика. М.: РОССПЭН, 2000. 400 с.
24. РГИА (Российский государственный исторический архив).